

DOI 10.24411/1813-145X-2019-1-0575

УДК 008:001.8

<https://orcid.org/0000-0003-0026-3807>

<https://orcid.org/0000-0003-3401-1798>

И. В. Леонов

И. В. Кириллов

«Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия

Для цитирования: Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6 (111). – С. 176-183.

Статья посвящена рассмотрению особой группы артефактов, которые уместно обозначить как «страдающие». Данная группа памятников определяется человеком на основании того, что он воспринимает некий памятник как «страдающий», ориентируясь на его историко-культурную биографию и переживая ее трагические моменты в сфере воображения. Особенностью рассматриваемой проблемы является ее явная «гуманитаризованность», то есть тесная связь со сферой психоэмоциональных переживаний реальности памятников. Реализуя множество архетипов и устойчивых свойств психики, человек, ориентируясь как на материальные, так и на духовно-символические метаморфозы памятников, избирательно определяет, какие из них «страдают», а какие нет. Отмеченное свойство восприятия и переживания памятников культуры являет собой достаточно весомый фактор в определении актуального культурного наследия и историко-биографической привлекательности памятников.

В первой части статьи осуществлена попытка создания типологии «страдающих» памятников, которая не претендует на исчерпывающий характер, однако позволяет систематизировать изучаемые объекты. Среди различных типов «страданий» артефактов авторы выделяют: их балансирование между «жизнью» и «смертью»; «болезни» памятников; предание забвению; перемещение и отделение от своего «месторазвития»; «разделение» и «расчленение» артефактов; «травмирование» памятников в результате вооруженных конфликтов; превращение памятников в «свидетелей» страданий человека; вандализм; символическое страдание; неорганические изменения формы и смысловой ауры памятников; авторскую порчу и др.

Ключевые слова: артефакт, «страдающий» артефакт, памятник, биография памятника, «болезни» памятников, культурное наследие, архетип, воображаемое, перемещенные памятники, реставрация, историко-культурный контекст.

I. V. Leonov, I. V. Kirillov

«Suffering» artifact: the main forms of incarnations and features of perception

The article is devoted to the consideration of a special group of artifacts, which is appropriate to designate as «suffering». This group of monuments is determined by a person based on the fact that he perceives a certain monument as «suffering», focusing on his historical and cultural biography and experiencing its tragic moments in the field of imagination. A feature of the problem under consideration is its explicit «humanitarianism», that is, a close connection with the sphere of psycho-emotional experiences of the reality of monuments. Realizing many archetypes and stable properties of the psyche, a person, focusing on both material and spiritual and symbolic metamorphoses of monuments, selectively determines which of them «suffer» and which do not. The noted property of perception and experience of cultural monuments is a rather significant factor in determining the current cultural heritage and historical and biographical attractiveness of monuments.

In the first part of the article, an attempt is made to create a typology of «suffering» monuments, which does not claim to be exhaustive, but allows to systematize the studied objects. Among the various types of «suffering» artifacts, the authors distinguish: their balancing between «life» and «death»; «diseases» of the monuments; oblivion; displacement and separation from one's «place of development»; «separation» and «dismemberment» of artifacts; «trauma» of monuments as a result of armed conflict; the transformation of monuments into «witnesses» of human suffering; vandalism; symbolic suffering; inorganic changes of the form and semantic aura of the monuments; author's damage and others.

Keywords: artifact, «suffering» artifact, monument, biography of the monument, «diseases» of the monuments, cultural heritage, archetype, imaginary, displaced monuments, restoration, historical-cultural context.

Среди памятников, составляющих содержание культурного наследия, особую группу представляют «страдающие артефакты», отличающиеся тем, что их «патина времени» содержит сле-

ды негативных воздействий истории в самых разных формах их проявления (см. общую характеристику указанной группы памятников 4, с. 61-67]) – от военных разрушений, вандализма и краж до случайных повреждений и «врожденных болезней». Названная группа памятников, обладая, в первую очередь, высоким потенциалом психоэмоционального и эвристического воздействия на зрителя, получает особый импульс к актуализации и популяризации как в сфере культурного наследия, так и в других сферах культуры, включая ее массовую компоненту.

Среди множества примеров, которые отражают указанное состояние памятников, можно назвать многочисленные «падающие» башни, колокольни и здания, фактор ценности которых нередко дополняется, а порой и определяется затяжным падением памятников, балансирующих между «жизнью» и «смертью». Здесь же можно назвать так называемые «больные» памятники, которые нуждаются в постоянном наблюдении и частых реставрациях. «Болезни» таких артефактов могут быть следствием ошибок и экспериментов их создателей при подборе материалов и техник изготовления, могут быть вызваны неправильными условиями их использования и сохранения, могут быть связаны с природно-климатическими и экологическими условиями их бытования и т. д. Здесь же можно назвать перемещенные памятники, оторванные от своего «канонического» местоположения, либо памятники, которые были «разделены» в ходе истории и пребывают в неполном виде. Особую подгруппу составляют памятники, частично или практически полностью уничтоженные в результате вооруженных конфликтов и актов вандализма. Кроме того, существуют и другие формы «страданий» артефактов, многие из которых будут затронуты ниже.

Изучение указанных памятников представляет собой достаточно интересное исследовательское поле, направленное на поиск ответов на следующие вопросы: *Какие психоэмоциональные факторы влияют на то, что памятник начинает восприниматься как «страдающий»? Какую роль в данном процессе играют историко-контекстуальные обстоятельства? Каковы основные формы «страданий» памятников в восприятии человека? Какими должны быть практики сохранения и реставрации «страдающих» артефактов? Может ли фактор негативных воздействий истории на памятник стать*

одним из экспертных критериев определения его ценности?

Характеризуя роль психоэмоциональных факторов, определяющих возникновение «страданий» у памятников, отметим, что названный параметр не стоит недооценивать. В данном случае уместно начать с обозначения более широкой сферы, связанной с отражением реальности в сознании человека, в частности с ее воображаемыми гранями [9]. Исходя из того, что «памятник, принятый и запечатленный в культурной памяти, обладает двойственной природой, вырастая из двух корней: материального бытия в веществе (материале) и духовного содержания, раскрывающего себя в воображаемом, которым памятник себя окружает» [10, с. 76], указанный выше аспект обретает достаточно значимый статус. Разумеется, объективная сторона бытия памятников также важна, поскольку сама возможность существования памятников в воображении человека изначально опирается на контакт с ней. Тем не менее воображаемая реальность не является чем-то пассивным и сугубо вторичным – именно в воображении человека вырисовываются биографии артефактов, усиливаются и переживаются многие перипетии судьбы, которые они претерпевают.

В первую очередь, возможность воспринимать артефакт как «страдающий» связана с процессом его «оживления» в сознании человека. Даже в наше время, не говоря уже о прошлых этапах истории, воспринимая определенные памятники и взаимодействуя с ними, человек нередко наделяет их чертами субъекта как определенного творца, как действительного субъекта событий прошлого, как единственного носителя неповторимых смыслов [10, с. 78]. На более глубоком, архетипическом уровне это связано со склонностью человека по своему образу и подобию «оживлять» разные грани реальности в процессе взаимодействия с ней, в том числе «оживлять» вещи. В сознании человека вещь способна быть верным спутником, может разделять горе и радость, приносить счастье или вред, может быть благодарной, а может стать врагом и даже мстить. Вещь способна взрослеть, переходить в состояние старости, обретая соответствующий статус и становясь мудрой. Она переживает человека и, реализуя архетип старца, становится хранителем опыта поколений, – за это ее почитают, ценят и уважают. Чем старше артефакт, тем, как правило, сильнее его биография и степень исторической «намоленности», чем больше

событий впитала его «пати́на», тем выше вероятность его «оживления» как свидетеля истории и хранителя связи с ушедшим. Кажется, именно это имел в виду Ф. М. Достоевский, когда писал о необыкновенной ценности «старых камней Европы», каждый из которых «гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними...» [3, с. 259].

Особую роль в обретении жизненного опыта играют трагедии и страдания. Они «закрепляют» не только в биографиях людей, но и в биографиях памятников, многократно усиливая степень мудрости памятников и наделяя эти артефакты высоким статусом. Следы страданий имеют явный приоритет по отношению к другим проявлениям биографий – пострадавший, раненый, больной, переживший горе, лишившийся чего-то памятник, как и пострадавший человек, переходят в иную нишу восприятия окружающими. Форма и «смысловая аура» памятника усложняются и обогащаются, вызывая сочувствие, обретая уважение окружающих. «Патина времени», содержащая материальные и нематериальные следы страданий, как бы противоречиво и странно это ни звучало, определенным образом усиливает и усложняет памятник. «Шрамы истории», подобно шрамам на теле человека, порой существенно искажая артефакты, порождают новые прочтения их формы, придают им новые смысловые звучания. В данном случае показательным является обряд шрамирования тела человека, включая массу его вариаций в разных культурах, направленных на демонстрацию воинских качеств, выносливости, способности терпеть невзгоды и т. д. Шрам, будучи наглядным свидетельством, становится яркой и убедительной иллюстрацией пережитого.

Примечательна история треугольной шляпы Петра I, которая была прострелена во время Полтавского сражения, когда русский царь непосредственно командовал войсками на поле боя. Простреленную треуголку воспел известный духовный и политический деятель, богослов и писатель Феофан Прокопович: «Шляпа пулею пробита. О страшный и благополучный случай! <...> О шляпа драгоценна! Не дорогая веществом, но вредом сим своим всех венцев, всех утварей царских дражайшая! Пишут историки, который Российское государство описуют, что ни на едином европейском государе не видети есть так

драгоценной короны, как на монархе российском. Но отселе уже не корону, но шляпу сию цареву разсуждайте и со удивлением описуйте» [7, с. 56-57]. Таким образом, пострадав, шляпа приобрела в глазах современников и потомков принципиально новый, неизмеримо более высокий статус, стала одним из примечательных артефактов Петровской эпохи, превратилась в объект почитания и последующего мифотворчества. Другой пример – пальто В. И. Ленина, которое в августе 1918 г. во время покушения на его жизнь было прострелено в трех местах и вследствие этого также приобрело принципиально иной статус.

Наконец, для многих культур страдание является собой высшую форму опыта, включая его религиозную форму, именно через страдание обретается истина, происходит очищение, искупление и просветление. Соответствующее понимание страдания, перенесенное на артефакт, рождает целый комплекс соответствующих смысловых аллюзий и архетипов во взаимодействии с вещью, оставаясь для человека по большей части неотрефлексированным.

На более приземленном уровне страдание вызывает не только духовный трепет и уважение, но и повышенный интерес зрителей. В данном случае также имеет место проявление целого комплекса архетипических качеств психоэмоциональной сферы человека, склонного заострять интерес на том, что вызывает боль, страх и ужас, тем самым осваивая данные грани бытия и не напрямую взаимодействуя с ними. Будучи достаточно парадоксальной, эта склонность человека проявляет себя довольно часто. В качестве примера можно назвать интерес зрителей, далеких от медицины, к анатомическим коллекциям, где нередко на всеобщее обозрение выставляются скелеты и органы взрослых людей, внутриутробные формы развития человека и новорожденные младенцы, включая части их тел и отдельные органы, позиционируемые как «анатомические аномалии», «иллюстрации заболеваний» и «мутанты». Здесь же можно назвать интерес к паноптикумам, в основном удовлетворяющий простое любопытство человека к несоответствиям норме.

Конечно, такие артефакты вызывают у части публики болезненное сочувствие, граничащее с возмущением, однако таковых зрителей меньшинство. Есть в отмеченном ряду и достаточно безобидные примеры, в которых фактор интереса к страданиям является одним из стержневых. До-

статочно назвать хранящуюся в петербургской Кунсткамере коллекцию, состоящую из 64 зубов, которые Петр I собственноручно вырвал у своих подданных. Разумеется, смысловая аура данного артефакта во многом связана с личностью и реформами Петра [6]. Тем не менее лицезрение множества профессионально вырванных зубов со следами стоматологических заболеваний отсылает и к жуткой боли, которую вынужденно терпели «жертвы» увлеченного медициной самодержца, всегда имевшего при себе щипцы для удаления зубов. Еще одним показательным примером является интерес зрителей к артефактам, вызывающим страдания, породивший целую серию выставок и разделов экспозиций, где размещаются средневековые орудия пыток, «позорные маски», вериги и пр. Здесь же можно назвать музеефикацию темниц, тюрем и мест заключения, где зритель, щекоча себе нервы, соприкасался с порой невыносимыми условиями заключения.

Даже если названные архетипические свойства психики явно не проявляются, в биографиях артефактов человек практически всегда фиксирует особые состояния и перипетии, вызывающие повышенный интерес и градус эмоций. Такие эмоциональные акценты в биографиях перенесших те или иные удары судьбы памятников структурируют их историю по принципу знаковых событий, аналогично биографиям человека, где обыденность и монотонные ритмики жизни, как правило, не получают подробного отражения, уступая место статусным переходам и нетривиальным ситуациям.

Помимо рассмотренных архетипических и психоэмоциональных свойств человека, особую роль в процессе восприятия памятника как страдающего играют историко-контекстуальные обстоятельства. При этом, образуя своеобразный синтез, названные свойства человека и исторические условия дают особый эффект, позволяющий не только считать памятники «страдающими», но и лишать их данного статуса, поскольку концептуальность памятника «...изменчива и находится в широком диапазоне понимания культурного текста/контекста» [10, с. 79]. Показательным примером в данном случае является спокойное восприятие современниками античных руин и статуй, которые по преимуществу не позиционируются как страдающие, хотя их разрушение носит ярко выраженный характер, включая наличие многочисленных «шрамов истории». Соответственно, многие искалеченные артефакты, в сознании зрителя, не «страдают». Более того, мате-

риальные утраты и «покалеченность» памятников могут стать основой для их романтизации и эстетизации именно в «шрамированном» виде, как это было с античным наследием в Италии XV-XVI вв., а также по всей Европе в XVIII – начале XIX в. в рамках романтизма [5, 8] (впрочем, нельзя сказать, что деятелям европейской культуры более ранних эпох совершенно не был свойствен интерес к поврежденным артефактам. Изредка воспевали руины и античные авторы (Алфей, Антипатр Сидонский, Павсаний), и средневековые (Хильдеберт Турский) [11, с. 192-206.]). Однако была и противоположная тенденция, направленная на «залечивание» утраченных фрагментов античного искусства. Представляет интерес «носотека» из Новой глиптотеки Карлсберга (Копенгаген), сформированная в XIX в. на основе удаленных с античных статуй носов и ушей, которые были прикреплены к ним ранее на основании распространенной практики возвращения первоначанного облика скульптуре в угоду ее эстетическим качествам. Тем не менее на фоне изменения исторического контекста и вкусовых предпочтений времени и в интересах подлинности данные дополнения были сняты, а искалеченные временем памятники обрели эстетическую целостность, при этом являясь артефактами с явными утратами.

Природа отмеченных «переключений» со страданий на их отсутствие носит сложный характер и вряд ли поместится в четкую схему или алгоритм. Однако некоторые тенденции здесь зафиксировать можно. Одной из них является пространственно-временная дистанция между воспринимающим зрителем и некой исторической реальностью, воздействия которой или память о которой отражает памятник. Отдаленность отрицательных проявлений и воздействий истории на артефакт чаще всего ведет к их постепенному остыванию в сознании человека и переходу в зону спокойной памяти. Кроме того, особое значение имеет степень репрезентуемых страданий, поскольку они могут носить как легкую, так и тяжелую форму. Здесь же необходимо учесть фактор их актуализации в сознании зрителя на тот или иной момент. Наконец, не стоит сбрасывать со счетов конструктивистские особенности биографий памятников, которые подвержены достаточно сильному влиянию извне, а также имеют высокую степень пластичности.

Переходя к вопросу фиксации основных форм «страданий» памятников, отметим, что таковых достаточно много, в частности

- балансирование артефактов между «жизнью» и «смертью»;
- «болезни» памятников;
- предание артефактов забвению;
- перемещение и отделение памятников от своего «месторазвития»;
- «разделение» и «расчленение» артефактов;
- «травмирование» памятников в результате войн и иных вооруженных конфликтов;
- превращение памятников в «свидетелей» страданий человека;
- вандализм;
- символическое страдание;
- неорганические изменения формы и смысловой ауры памятников;
- авторская порча и др.

С определенной долей условности можно сказать, что артефакт уже с самого начала своего существования начинает «страдать», терпя воздействия времени, различные «страсти» и переживая постепенный распад. В данном случае показательно само существование института реставрации, который призван «лечить» памятники, в той или иной степени постоянно страдающие от воздействий времени. Трагедия памятника, как и трагедия человека, заключается в его постепенном и неизбежном умирании.

Достаточно многочисленную группу составляют *артефакты, пребывающие в постоянной зоне риска и балансирующие между «жизнью» и «смертью»*. Вынужденные экстремальные состояния, в которых оказываются памятники, являются следствием воздействия множества факторов. Такие обстоятельства неминуемо привлекают внимание зрителей. Порой памятник становится популярным именно из-за того, что может быть утрачен. В данную группу входит целая плеяда «падающих» артефактов, многие из которых при отсутствии затянувшегося «падения» не имели бы большой известности. Нередко указанный фактор не является определяющим в восприятии памятников, однако его «гравитационное поле» дает о себе знать. Так, восприятие Венеции, исторический центр которой расположен на сваях из лиственницы и дуба, периодически сопровождается темой ее возможного ухода под воду. То же самое касается и Санкт-Петербурга, самого северного мегаполиса в мире, который выстроен на заболоченной местности, периодически переживает наводнения и пребывает в климатических условиях, которые неблагоприятны для многих архитектурных памятников, городской скульптуры и пр.

Отмеченная особенность и фактор опасности являются неминуемым сюжетом экскурсий и большинства книг по истории и культуре Северной Венеции и стали своеобразным брендом.

Еще одну группу представляют *«хронические» или «больные» артефакты*, появление которых связано с высокой степенью их разрушений, а также с нарушением технико-технологического процесса при их создании и/или нарушением температурно-влажностного режима при их хранении. Реставраторы на обычном уровне называют такие памятники «хроническими произведениями». В отношении обозначенных артефактов требуются перманентные работы по укреплению – и в процессе реставрации, и сразу после нее. В качестве таких постоянно разрушающихся объектов можно назвать находящиеся под открытым небом памятники деревянного зодчества, включая их музеефицированные ансамбли. Например, комплекс Кижи, который реставрируют постоянно – температурно-влажностный режим, жуки-древоточцы и прочие факторы перманентно разрушают его. Соответственно, в Кижах всегда можно увидеть свежее дерево, помещенное в тело памятника в ходе непрекращающейся реставрации. Указанному комплексу невозможно создать условия, подобные кирпичному саркофагу «Домика Петра» в Санкт-Петербурге. Хотя, вероятно, и стоит задуматься над проектом некоего защитного сооружения.

Еще одним примером выступают многочисленные произведения европейской живописи, относящиеся к концу XIX – началу XXI в., создание которых осуществлялось и осуществляется с нарушением соответствующих технологий. В этот период многие художники, не проходя соответствующего обучения, стали проще относиться к подготовке материалов и выбору красок, создавая полотна, в технологическом плане уступающие работам старых мастеров, чьи картины, несмотря на возраст, обладают лучшими характеристиками для сохранения, а также могут быть успешно отреставрированы. В результате современные произведения, создаваемые при игнорировании и упрощении технологических процедур, необходимых для их долгого сохранения, стали быстро разрушаться и гибнуть, порой не покидая мастерской художника.

Кроме того, существуют артефакты, которые создавались без каких-либо нарушений, но изначально были изготовлены из материалов, имеющих достаточно короткий срок жизни и требую-

щих специальных технологий сохранения и реставрации. Речь, в первую очередь, идет о материалах, изготавливаемых на основе искусственных полимеров, – пластмассе, синтетическом каучуке, резине, нейлоне, целлюлозе и пр. Частным примером может служить мебель, изготовленная из древесно-стружечной плиты с применением пластмассы (по сути, из стружки и искусственного полимера), работа по сохранению которой носит достаточно сложный характер. Использование такого рода материалов нередко является для артефакта приговором.

Особую форму страданий представляют «брошенные» и преданные забвению памятники. При этом степень их страданий определяется той долей внимания, которую они недополучают со стороны людей. Наиболее показательными в данном случае являются сакральные места, культовые и религиозные сооружения, по каким-либо причинам оставленные человеком: «Для памятника культуры, как и для литературного текста, нет ничего хуже “безответности”, что часто случается, когда где-нибудь древняя деревенская церковь, молча и безвестно, гибнет от человеческого небрежения» [9, с. 207]. При этом отмеченная форма страданий не всегда вызвана действиями человека, оставляющего памятник по собственному усмотрению на фоне принятия других ценностей и смены взглядов; нередко такая участь постигает памятники по причинам, на которые человек не всегда способен влиять, что также усиливает трагизм ситуации. Достаточно ярким примером в данном случае являются многочисленные затопленные храмы и колокольни, образующие целый ряд возвышающихся над водой башен, куполов, крестов и руин. Среди множества подобных памятников можно назвать построенную на рубеже XVIII и XIX вв. церковь Рождества Христова в Крохино (Вологодская обл.), собор в Потоси (Венесуэла, построен в 1808-38 гг.), построенный в 1850 г. храм Св. Николая в македонском селе Маврово, храм святого Розария в Шеттихалли (Индия, штат Карнатака, 1860 г. постройки), романскую часовню 1357 г. постройки на озере Резен (Северная Италия) и многие другие.

Достаточно интересна в рассматриваемом ракурсе судьба пятиярусной Калязинской колокольни, построенной в 1796-1800 гг. при Никольском соборе (1694 г.) и возвышавшейся на 74,5 метра над землей. В 1939-40 гг. в ходе работ по созданию Угличского водохранилища церковь попала в зону затопления, при этом Ни-

кольский собор был предварительно разобран, а колокольня была отведена роль маяка. К 80-м гг. колокольня дала небольшой крен, который был ликвидирован, при этом фундамент был укреплен, а вокруг был насыпан небольшой остров с причалом. В 2007 г. в колокольне отслужили литургию, а в 2016 г. на ней установили пять колоколов. Ныне часовня является конечной точкой Верхневолжского крестного хода. Таким образом, пройдя круг страданий, данный памятник обрел вторую жизнь, усилившись пережитыми страстями и войдя в поле актуальных смыслов и религиозных практик человека. Примечательно, что колокольня на фоне пережитых страданий стала одним из главных символов города Калязина, привлекающим множество туристов.

Отдельного упоминания в рассматриваемой группе заслуживают «брошенные» загородные усадьбы, каковых, к примеру, много вокруг Санкт-Петербурга, а также многочисленные полуразрушенные и не отреставрированные дома, которые были и могли бы вновь стать настоящим украшением российских городов. Например, в городе Бийске в полуразрушенном виде находятся Фирсовский пассаж и пассаж Клевцова, не отреставрирован особняк купца Ассанова, в свое время оформлявшие неповторимый облик старого городского центра. Возвращение данных домов к полноценной жизни, несомненно, способствовало бы обогащению городского пространства и усилению туристической привлекательности города.

Следующую группу страдающих артефактов представляют *перемещенные и отделенные от своего «месторазвития» памятники*. Как правило, перемещенный артефакт становится страдающим для того, кто оказался на стороне, потерявшей его. Такие ситуации возникают вследствие войн, краж и сделок, которые одна из сторон считает несправедливыми. Вывезенный куда-либо, оторванный от того места, где он долгое время находился, утративший связь с определенной культурой и народом памятник становится вынужденным мигрантом, осиротевшим без своего места, равно как и место начинает «тосковать» по отсутствующему памятнику. При этом для стороны, обретшей артефакт вследствие названных обстоятельств (скажем, в качестве трофея), последний страдающим является редко. Так, особую дискуссионную область в сфере перемещенных и отделенных ценностей представляет осуществленный развитыми европейскими странами в XVIII-XIX вв. в ходе войн и торговых

делок массовый вывоз египетского и античного наследия из соответствующих регионов. Этот вывоз воспринимается в Египте и Греции как, мягко говоря, несправедливый. Тем не менее, показательным примером в рассматриваемой группе является возврат немецкому народу Дрезденской галереи, которую в 1945 г. вывезли в СССР. С учетом ценности данного собрания для культурной идентичности немцев галерея была полностью отреставрирована и возвращена Советским Союзом в Германскую Демократическую Республику в 1955-58 гг., что является единственным в истории случаем возврата трофеев побежденным в таком масштабе. И это несмотря на те гигантские утраты, которые понес СССР в ходе уничтожения и разграбления его культурного наследия в ходе войны.

Для того чтобы памятник был отнесен к категории перемещенных, он не обязательно должен быть перемещен в другую страну. Так, памятник Александру III, созданный П. П. Трубецким, после 1917 г. не покидал пределов Санкт-Петербурга, однако был перемещен со своего законного места на Знаменской пл. (ныне пл. Восстания) в запасники Русского музея, а позднее установлен у Мраморного дворца. Очевидно, что вследствие этих перемещений памятник был вырван из первоначального историко-культурного контекста. Также показателен другой пример: в наши дни петербургские ученые сопротивляются переезду музея Радиевского института из исторического здания на ул. Рентгена в основной корпус института на 2-м Мурунском проспекте, аргументируя это тем, что в результате переезда исчезнет «феномен подлинности»: в настоящее время экспозиция располагается в тех самых лабораториях, в которых происходило становление российской атомной науки и техники.

Надо заметить, что перемещение памятника в другую локацию не всегда сопровождается страданием. В качестве примера «нестрадальческого» перемещения можно привести фактическое перемещение рабочего кабинета Иосифа Бродского из г. Сауд Хедли (США) в Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Вдова И. Бродского подарила этому музею множество предметов домашней обстановки и библиотеку поэта, и ныне в Фонтанном Доме существует постоянная экспозиция «Американский кабинет Иосифа Бродского». Создание экспозиции можно рассматривать как один из актов символиче-

ского возвращения большого русского поэта на Родину. Бродский верил, что вернется в свою страну, в свой город «во плоти или на бумаге» [2, с. 441], – и это возвращение состоялось. Благодаря наличию в экспозиции множества мелких предметов, принадлежавших И. Бродскому (авторучек, конвертов, блокнотов, открытых коробочек с лекарствами, сигарет «L&M» и др.), возникает «эффект присутствия». «Эти мелочи <...> создают впечатление, что он в любой момент может войти за понадобившейся вещью» [1, с. 22].

Завершая статью, отметим, что другие группы «страдающих» артефактов, заявленные выше, также представляют интерес и имеют массу воплощений. Однако в рамках уже рассмотренного материала вся сложность и перспективность данной проблематики раскрывается вполне отчетливо. «Страдание», проецируемое человеком на памятник как особая форма его чувствования и переживания в сознании, являет собой вполне устойчивую компоненту актуализации культурного наследия, повышения интереса к нему, а также увеличения степени привлекательности артефакта. Исследуя данную проблему, авторы столкнулись с ее явной причастностью к сфере чувств, то есть к психоэмоциональной сфере, перевод которой на язык позитивистской науки крайне затруднителен. Тем не менее рассмотренный аспект восприятия артефактов проявляет себя очень ярко и является одним из значимых факторов определения ценностно-смысловой составляющей памятников, в том числе и в рамках деятельности профессиональных экспертных сообществ, которые не могут не ориентироваться на аксиологическую составляющую историко-культурного наследия.

Библиографический список

1. Аникина, С. «Американский кабинет» Иосифа Бродского в Фонтанном Доме [Текст] / С. Аникина // Литература. – 2006. – № 24. – С. 22.
2. Бродский, И. А. Большая книга интервью [Текст] / И. А. Бродский. – М.: Захаров, 2000. – 706 с.
3. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы [Текст] / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений: в 15 томах. Т. 9. – Л.: Наука, 1991. – 700 с.
4. Леонов, И. В., Грусман, Я. В. «Страдающие артефакты» историко-культурного наследия [Текст] / И. В. Леонов, Я. В. Грусман // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 3 (40). – С. 61-67.
5. Лишаев, С. А. Эстетика руины [Текст] / С. А. Лишаев // Ежегодник по феноменологической

философии. – М. : Издательский центр РГГУ, 2015. – С. 87-114.

6. Перегудов, А. Б. Загадки коллекции зубов, дерганных Императором Всероссийским [Электронный ресурс] / А. Б. Перегудов. – URL: http://www.historymed.ru/encyclopedia/blog/Peregoudov_blog/18/ (дата обращения: 04.09.2019).

7. Прокопович, Ф. Слово похвальное о баталии Полтавской [Текст] / Ф. Прокопович // Сочинения. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 48-59.

8. Соколов, Б. М. Руина как граница культурных миров [Текст] / Б. М. Соколов // Тема руин в культуре и искусстве. Царицынский научный вестник. Вып. 6. – М. : Белый берег, 2003. – С. 7-38.

9. Суворов, Н. Н. Воображаемое как феномен культуры [Текст] / Н. Н. Суворов ; Министерство культуры РФ, Санкт-Петербургский государственный институт культуры. – СПб. : СПбГИК, 2018. – 300 с.

10. Суворов, Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность [Текст] / Н. Н. Суворов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4 (33). – С. 76-80.

11. Тoman, И. Б. Из истории культа руин в Европе и России [Текст] / И. Б. Тoman // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток : материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения». 19 мая 2015 года. – М. ; Ярославль : Редмер, 2015. – С. 192-206.

Reference List

1. Anikina, S. «Amerikanskij kabinet» Iosifa Brodskogo v Fontanom Dome = Iosif Brodsky's «American Cabinet» in the Fountain House [Текст] / S. Anikina // Literatura. – 2006. – № 24. – С. 22.

2. Brodskij, I. A. Bol'shaja kniga interv'ju = Big book of the interview [Текст] / I. A. Brodskij. – М. : Zaharov, 2000. – 706 s.

3. Dostoevskij, F. M. Brat'ja Karamazovy = The Brothers Karamazov [Текст] / F. M. Dostoevskij // Sobranie sochinenij : v 15 tomah. T. 9. – L. : Nauka, 1991. – 700 s.

4. Leonov, I. V., Grusman, Ja. V. «Stradajushhie artefakty» istoriko-kul'turnogo nasledija «Suffering artifacts» of historical and cultural heritage [Текст] / I. V. Leonov, Ja. V. Grusman // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. – 2019. – № 3 (40). – С. 61-67.

5. Lishaev, S. A. Jestetika ruiny = Esthetics ruins [Текст] / С. А. Lishaev // Ezhegodnik po fenomenologicheskoj filosofii. – М. : Izdatel'skij centr RGGU, 2015. – С. 87-114.

6. Peregudov, A. B. Zagadki kolekcii zubov, dergannyh Imperatorom Vserossijskim = Mysteries of the collection of teeth pulled out by the Emperor of the All-Russia [Jelektronnyj resurs] / A. B. Peregudov. – URL:

http://www.historymed.ru/encyclopedia/blog/Peregoudov_blog/18/ (data obrashhenija: 04.09.2019).

7. Prokopovich, F. Slovo pohval'noe o batalii Poltavskoj = Word of praise about the Poltava battle [Текст] / F. Prokopovich // Sochinenija. – М. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1961. – С. 48-59.

8. Sokolov, B. M. Ruina kak granica kul'turnyh mirov = Ruin as a border of cultural worlds [Текст] / B. M. Sokolov // Tema ruin v kul'ture i iskusstve. Caricynskij nauchnyj vestnik. Vyp. 6. – М. : Belyj bereg, 2003. – С. 7-38.

9. Suvorov, N. N. Voobrazhaemoe kak fenomen kul'tury = Imagined as a cultural phenomenon [Текст] / N. N. Suvorov ; Ministerstvo kul'tury RF, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj institut kul'tury. – SPb. : SPbGIK, 2018. – 300 s.

10. Suvorov, N. N. Pamjatnik kul'tury kak voobrazhaemaja real'nost' = A cultural monument as an imaginary reality [Текст] / N. N. Suvorov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2017. – № 4 (33). – С. 76-80.

11. Toman, I. B. Iz istorii kul'ta ruin v Evrope i Rossii = From the history of the cult of ruins in Europe and Russia [Текст] / I. B. Toman // Aktual'nye voprosy izuchenija duhovnoj kul'tury v kontekste dialoga civilizacij: Rossija – Zapad – Vostok : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Slavjanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie XV Kirillo-Mefodievskie chtenija». 19 maja 2015 goda. – М. ; Jaroslavl' : Redmer, 2015. – С. 192-206.